

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 50. «Заветным именем будить ночную тьму»

Выпуск № 557

Афанасий Фет

Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой и желанья
Детские, резвые – сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на весёлую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесёт
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни –
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдём же, пойдём!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю – от пробора волос
До перекладки пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки носок.
Жалко... да нет – хорошо, что никто не видал, как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно вещи учить его понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие – не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги;
Я говорю, что любить – состоянье, ещё и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай нам Бог вечно любить!

Даниил Андреев

из цикла «Янтари»

Усни, – ты устала... Гроза отгремела,
Отпраздновал ливень ночную весну...

Счастливому сердцу, счастливому телу
Пора отойти к беспечальному сну.

Светает... Свежеет... И рокот трамвайный
Уже долетел с голубых площадей.
Усни, – я мечтаю над нашею тайной –
Прекрасною тайной цветов и детей.

И кажется: никнет бесшумная хвоя, –
Листва ли коснулась ресниц на весу?
Быть может, блаженные Дафнис и Хлоя
Дремали вот так в первозданном лесу.

Как будто сомкнулись прохладные воды,
Баюкая нас в колыбелях земли,
Скользящие тени с прозрачного свода
Поют, что над нами плывут корабли.

Плывут, уплывают... А сумрак всё ниже, –
Прощальную сказку шепчу кораблю...
Не думай: я здесь, я с тобою... Усни же,
Как я над рукой твоей милой дремлю.

Выпуск № 292

Осип Мандельштам

На перламутровый челнок
Натягивая шёлка нити,
О пальцы гибкие, начните
Очаровательный урок!

Приливы и отливы рук...
Однообразные движенья...
Ты заклинаешь, без сомненья,
Какой-то солнечный испуг,

Когда широкая ладонь,
Как раковина, пламенея,
То гаснет, к теням тяготея,
То в розовый уйдёт огонь!..

Владимир Набоков

Позволь мечтать... Ты первое страданье
и счастье последнее моё,
я чувствую движенье и дыханье
твоей души... Я чувствую её,
как дальнее и трепетное пенье...
Позволь мечтать, о, чистая струна,
позволь рыдать и верить в упоенье,
что жизнь, как ты, лишь музыки полна.

1921

Николай Гумилёв

Портрет

Лишь чёрный бархат, на котором
Забьт сияющий алмаз,
Сумею я сравнить со взором
Её почти поющих глаз.

Её фарфоровое тело
Томит неясной белизной,
Как лепесток сирени белой
Под умирающей луной.

Пусть руки нежно-восковые,
Но кровь в них так же горяча,
Как перед образом Марии
Неугасимая свеча.

И вся она легка, как птица
Осенней ясною порой,
Уже готовая проститься
С печальной северной страной.

1917

Выпуск № 1086

Николай Заболоцкий

О красоте человеческих лиц

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица – подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мёртвые лица
Закрыты решётками, словно темница.
Другие – как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка её на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица – подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

1955

Вероника Тушнова

Людские души – души разные,
не перечислить их, не счесть.
Есть злые, добрые и праздные
и грозные души есть.

Иная в силе не нуждается,
её дыханием коснись –
и в ней чистейший звук рождается,
распространяясь вдаль и ввысь.

Другая хмуро-неотзывчива,
другая каменно-глуха
для света звёзд,
для пенья птичьего,
для музыки
и для стиха.

Она почти недостижима,
пока не вторгнутся в неё
любви тревога и отчаянье,
сердечной боли острей.

Смятенная и незащищенная,
она очнется,
и тогда
сама по-птичьей закричит она
и засияет как звезда.

Выпуск № 323

Александр Блок

из цикла «Кармен»

Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, –
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слёзы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.

1914

Александр Пушкин

Красавица

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В её сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, –
Но встреться с ней, смущённый, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

1832

Выпуск № 650

Георгий Адамович

Был вечер на пятой неделе
Поста. Было больно в груди.
Все жилы тянулись, болели,
Предчувствуя жизнь впереди.

Был зов золотых колоколен,
Был в воздухе звон, а с Невы
Был ветер весенен и волен,
И шляпу срывал с головы.

И вот, на глухом перекрёстке
Был незабываемый взгляд,
Короткий, как молния, жесткий,
Сухой, словно кольта разряд,

Огромный, как небо, и синий,
Как небо... Вот, кажется, всё.
Ни красок, ни зданий, ни линий,
Но мёртвое сердце моё.

Мне было шестнадцать, едва ли
Семнадцать... Вот, кажется, всё.
Ни оторопи, ни печали,
Но мертвое сердце моё.

Есть память, есть доля скитальцев,
Есть книги, стихи, суета,

А жизнь... жизнь прошла между пальцев
На пятой неделе поста.

Даниил Андреев

из цикла «Янтари»

Воздушным, играющим гением
То лето сошло на столицу.
Загаром упала на лица
Горячая тень от крыла, –
Весь день своенравным скольжением
Бездумно она осеняла
Настурции, скверы, вокзалы,
Строительства и купола.

И на тротуар ослепительный
Из комнаты мягко-дремотной
Уверенный и беззаботный
В полдневную синь выходя,
В крови уносил я медлительный,
Спадающий отзвук желанья,
Да тайное воспоминанье
О плеске ночного дождя.

А полдень – плакатами, скрипами,
Звонками справлял новоселье,
Роняя лучистое зелье
На крыши и в каждый квартал;
Под пыльно-тенистыми липами
Он улицею стоголосой
Со щедрым радушьем колосса
На пиршество шумное звал.

И в зелени старых Хамовников,
И в нежности Замоскворечья
Журчащие, лёгкие речи
Со мной он, смеясь, заводил;
Он знал, что цветам и любовникам
Понятны вот эти мгновенья –
Дневное головокруженье,
Игра нарастающих сил.

Каким становилась сокровищем
Случайная лужица в парке,
Гранитные спуски, на барке –
Трепещущих рыб серебро,
И над экскаватором роющим
Волна облаков кучевая,
И никель горячий трамвая,
И столик в кафе, и ситро.

Былую тоску и расколотость
Так странно припомнить рассудку,
Когда в мимолетную шутку
Вникаешь, как в мудрость царя,
И если предчувствует молодость
Во всём необъятные дали,
И если бокал Цинандали
Янтарно-звонящ, как заря.

Ведь завтра опять уготовано
Без ревности и без расплаты
Июньскою ночью крылатой
Желанное длить забытьё,
Пока в тишине околдованной
Качается занавес пёстрый
Прохладой рассветной и острой
Целуемый в окнах её.

Выпуск № 438

Владимир Набоков

М. W.

Я видел, ты витала меж алмазных
стволов и чёрных листьев, под луной,
воздушно выбегала из бессвязных
узоров сумрака на луг лесной.

Твоё кружение было молчаливо,
как ночь, и вдохновенно, как любовь...
Руками всплескивала, и тоскливо
склонялась ты, и улетала вновь.

И волосы твои струились, ноги
стремительно сияли, и луна
в глазах плясала... Любовались боги
лесные, любовалась тишина...

А жизнь, а жизнь, распутывая тени,
к тебе тянулась, бредила, звала,
но пенем согласованных движений
ты властно заколдована была...

Даниил Андреев

из цикла «Янтари»

Я помню вечер в южном городе,
В сухом саду ночлег случайный,
И над приморскою окраиной
 Одну огромную звезду:
Твердыней гемузской гордости
Под нею крепость вырезалась
И коронованной казалась
 Сквозь тамариск в моём саду.

Я знал: вдали, за морем плещущим,
За этой роскошью сапфирной
В ином краю дремоте мирной
 Ты в эту полночь предана,
Но будет час – и утром блещущим
Ты с корабля сойдёшь по сходням
Сюда, где кровь моя сегодня
 Тебя зовёт и ждёт без сна.

Без сна... как долго сон медлительный
Ко мне в ту ночь не наклонялся!
С амфитеатра ритмы вальса
 Лились кружащимся ручьём
И, учащая пульс томительный,
Твердили о чужом веселье,
О чьём-то юном новоселье,
 Об отдаленном счастье... Чьём?

Они утихли только за полночь,
Но слабый шум не молк... откуда?

Иль город ровным, крепким гудом
Дышал в горячем забытьи?
Иль, страстную внушая заповедь
Моей душе, неуловимо
Во мне стучало сердце Крыма
И направляло сны мои?

И я постиг во сне, как в празднике,
Лицо его утесов чёрных,
Полынь его лугов нагорных
И троп, кривых, как ятаган,
Его золотые виноградники,
Его оград булыжный камень
И плиты, стёртые веками
В святилищах магометан.

А там, у бухт, на побережьи,
Гордись свободным, тёмным телом,
Шли, улыбаясь, люди в белом –
Таких счастливых нет нигде, –
И в этот край, живая, свежая,
От корабля путём желанным
Сошла ты солнцем долгожданным
По еле плещущей воде.

Выпуск № 882

Владимир Набоков

(Отрывок)

Твоих одежд воздушных я коснулся,
и мелкие посыпались цветы
из облака благоуханной ткани.
Стояли мы на белых ступенях,
в полдневный час, у моря, и на юге,
сверкая, колебались корабли.
Спросила ты:
что на земле прекрасней
тёмно-лиловых лепестков фиалок,
разбросанных по мрамору?
Твои

глаза, твои покорные глаза,
я отвечал.

Потом мы побрели
вдоль берега, ладонями блуждая
по краю бледно-каменной ограды.
Синела даль. Ты слабо улыбалась,
любуюсь парусами кораблей,
как будто вырезанными из солнца.

1920

Даниил Андреев

из цикла «Янтари»

Убирая завтрак утренний,
Ты звенишь и напеваешь,
И сметаешь крошки хлеба
 Прямо в светлую ладонь;
В доме нежен сумрак внутренний,
А в окошке – синева лишь, –
То ли море, то ли небо –
 Утра крымского огонь.

Там, мягчайшим бризом глажимый,
Парус млеет в знойном свете,
Нежа киль струёй прохладной
 И не помня ничего...
Там, над бухтами и пляжами,
Воздух светится, и дети
Словно правнуки Эллады
 Пьют, блаженные, его.

Хочешь – мы сквозь виноградники
По кремнистым перелогам
Путь наметим полудённый
 На зубчатый Тарахташ:
Там – серебряный, как градинки,
Мы попробуем дорогой
У татар миндаль солёный
 И вино из плоских чаш.

Меж пугливыми отарами
Перевал преодолеем,
И пустыня нам предстанет
 Вдоль по желтому хребту,
Будто выжженная карами,
Ураганом, суховеем,
Где лишь каперсы, как стая
 Белых бабочек, в цвету.

Там айлантами и кедрами
Нам природа не предстанет,
Матерью зеленокудрой
 Не приветствует гостей,
Только солнце вечно-щедрое
Любоваться не устанет
На своих счастливых, мудрых
 На невинных двух детей.

И ни возглас человеческий,
Ни обвалов грозный голос
Не нарушат вековую
 Тишь, открытую лучу,
Чтобы горы стали к вечеру
Облекать свой камень голый
В золотую, в голубую
 Литургийную парчу.

И, синея дымкой дальнею,
Розовея, лиловея,
Череду всех красок мира
 Сменят в стройном бытии,
Как во храме в ночь пасхальную
Чередуют иереи
Многоцветные подиры –
 Ризы пышные свои.

День открыт нам всеми гранями:
Ритмом волн, блаженным жаром,
Родниками, лёгкой ленью,
 Стайкой облаков, как пух, –
Чтоб, влекомые желаньями,
Шли мы вдаль, в его селенья,
За бесценным Божьим даром –
 Страстью двух – и счастьем двух.

Выпуск № 343

Аполлон Майков

О чём в тиши ночей таинственно мечтаю,
О чём при свете дня всечасно помышляю,
То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
Ты, друг мой ветренный, услада дней моих,
Тебе не передам души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей глас в ночном молчаньи
Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
Чьи очи светят мне, чьё имя я твержу.

1841

Афанасий Фет

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

1844

Александр Пушкин

К***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие моё я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой

Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдёт передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдёт и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять её на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Весёлый мир души, беспечные досуги,
Всё – даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

1832

Выпуск № 250

Афанасий Фет

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущённого пугает;

И нетерпение сосёт больную грудь,
И ты идёшь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасное взглянуть,
И вижу ясное, – и тихо, улыбаюсь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волосы душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь, – и мне
Ты предаёшься вся для страстного лобзанья, –
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

1847

Борис Пастернак

Из поэмы

Я тоже любил, и дыханье
Бессонницы раннею ранью
Из парка спускалось в овраг, и впотьмах
Выпархивало на архипелаг
Полян, утопавших в лохматом тумане,
В полыни и мяте и перепелах.
И тут тяжелел обожанья размах,
Хмелел, как крыло, обожженное дробью,
И бухался в воздух, и падал в ознобе,
И располагался росой на полях.

А там и рассвет занимался. До двух
Несметного неба мигали богатства,
Но вот петухи начинали пугаться
Потёмок и силились скрыть перепуг,
Но в глотках рвались холостые фугасы,
И страх фистулой голосил от потуг,
И гасли стожары, и, как по заказу,
С лицом пучеглазого свечегаса
Показывался на опушке пастух.

Я тоже любил, и она пока ещё
Жива, может стать. Время пройдёт,
И что-то большое, как осень, однажды
(Не завтра, быть может, так позже когда-нибудь)
Зажжется над жизнью, как зарево, сжалившись
Над чащей. Над глупостью луж, изнывающих
По-жабьи от жажды. Над заячьей дрожью
Лужаек, с ушами ушитых в рогожу
Листвы прошлогодней. Над шумом, похожим
На ложный прибой прожитого. Я тоже
Любил, и я знаю: как мокрые пожни
От века положены году в подножье,
Так каждому сердцу кладётся любовью
Знобящая новость миров в изголовье.

Я тоже любил, и она жива ещё.
Всё так же, катясь в ту начальную рань,
Стоят времена, исчезая за краешком
Мгновенья. Всё так же тонка эта грань.
По-прежнему давнее кажется давешним.

По-прежнему, схлынувши с лиц очевидцев,
Безумствует быль, притворяясь незнающей,
Что больше она уж у нас не жилица.
И мыслимо это? Так, значит, и впрямь
Всю жизнь удаляется, а не длится
Любовь, удивленья мгновенная дань?

1916, 1928

Выпуск № 745

Лариса Патракова

Я поклоняюсь великой иллюзии встреч:
Мощно горел мой костёр рядом с чьим-то испугом,
Мы в этом празднике не обретали друг друга,
Но лишь стгорая, могла я огонь свой сберечь...
Я поклоняюсь великой иллюзии встреч.

Марина Цветаева

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Вёрсты, и вёрсты, и вёрсты, и чёрствый хлеб...
Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек –
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре
Помните жаркое ржанье и степь в серебре?
Синий дымок на горе,
И о цыганском царе –
Песню...

В чёрную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных – как ночь – сыновей.
Нищих – как ночь – сыновей...
И рокотал соловей –
Славу...

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.

Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры —
Звёзды...

1917

Выпуск № 969

Владимир Соловьёв

Потому ль, что сердцу надо
Жить одним, одно любя,
Потому ль, что нет отрады
Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути,
И с тобой, с тобой одною
Мог я счастье найти, —

Оттого ли, потому ли, —
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.

1892

Зинаида Миркина

Нет, не только ломоть хлеба, —
Преломить с тобою небо.
Разделить с тобою эту
Даль и боль живого света.
Как блаженны те, что могут
Разделить друг с другом Бога.

1984

Марина Цветаева

Могла бы – взяла бы
В утробу пещеры:
В пещеру дракона,
В трущобу пантеры.

В пантерины – лапы –
– Могла бы – взяла бы.

Природы – на лоно, природы – на ложе.
Могла бы – свою же пантерину кожу
Сняла бы...

– *Сдала бы трущобе – в учёбу!*

В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, –

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки –
Как ветви – и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.
В листве бы, в плюще бы, в плюще – как в плаще бы...

Ни белого света, ни чёрного хлеба:
В росе бы, в листве бы, в листве – как в родстве бы...

Чтоб в дверь – не стучалось,
В окно – не кричалось,
Чтоб впредь – не *случалось*,
Чтоб – ввек не кончалось!

Но мало – пещеры,
И мало – трущобы!
Могла бы – взяла бы
В пещеру – утробы.

Могла бы –
Взяла бы.

Выпуск № 800

Анна Ахматова

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студёные, влажные дни?
Изумрудною стала вода замутнённых каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнее.
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник.
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось – сейчас забелеет прозрачный подснежник...
Вот когда подошёл ты, спокойный, к крыльцу моему.

1922

Вячеслав Иванов

Любовь

Мы – два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы – два коня, чьи держит удила
Одна рука, – язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы – двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почиет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы – Сфинкс единой оба.
Мы – две руки единого креста.

Даниил Андреев

из цикла «Янтари»

Свеча догорает. Я знаю.
Над нами – бездонное море...
Какая дремучая тишь!..
Усни: к несравненному раю
Свела ты старинное горе
Души моей терпкой... Ты спишь?

А в горном собратстве на страже
Луной Тарахташ серебрится;
И в лунную кроясь фату,
Над сонмом склонившихся кряжей
Созвездья стоят, как божница, –
Торжественный зов в высоту.

О нет, высота не сурова, –
Там молятся о человеке...
Ты дремлешь? ты слышишь меня?
– Не вздох, не ответ: полуслово...
Рука недвижима; лишь веки
Раскрылись, дремоту гоня.

Всё глубже, – как в омуты; словно
В колодцы и шахты вселенной...
Как сладок и жгуч этот страх!
Да канет же сердце безмолвно
В ущерб глубины довременной,
В ещё не рожденных мирах.

Природа с такими очами
Зачатье у райского древа
От духа высот приняла...
Дитя моё! девочка в храме
С глазами праматери Евы,
Ещё не постигшими зла!

Свеча догорела. Над Крымом
Юпитер плывёт лучезарно,
Наполненный белым огнём...
Да будет же Девой хранимым
Твой сон на рассвете янтарном
Для радости будущим днём.